

Г. М. Мировпольский
Тройной одеколон

СТИХИ, ПРОЗА, ПЬЕСЫ

Геннадий Миропольский

**Тройной одеколон.
Стихи, проза, пьесы**

«Издательские решения»

Миропольский Г. М.

Тройной одеколон. Стихи, проза, пьесы /
Г. М. Миропольский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854666-2

По мнению автора этой книги, поэзия ничем не отличается от политической агитации. Она рассказывает нам о том, что будет, если мы ее выберем, и о том, что мы не должны верить своим глазам. О том, что мы живем в лучшем из миров, или наоборот — обещает спасение из этого мира. Морочит нам голову игрой слов или рассказывает о том, что дела обстояли хорошо при прежнем правительстве. В конце концов, открывается она краткой программой, а завершается ценой за соучастие.

ISBN 978-5-44-854666-2

© Миропольский Г. М.
© Издательские решения

Содержание

Агитационные песни – 1	6
Восход	8
Агитационные песни – 2	14
В алом венчике из роз. Очерк революции в г. Сумы	17
I	18
II	21
III	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тройной одеколон Стихи, проза, пьесы

Геннадий Михайлович Миропольский

Фотограф Геннадий Михайлович Миропольский

© Геннадий Михайлович Миропольский, 2017

© Геннадий Михайлович Миропольский, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-4666-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Агитационные песни – 1

* * *

Впереди какой-то планетарий —
разноцветные спирали и жгуты.
Позади клоповник и шиповник.
А в хуйне посередине – ты.

Что есть «ты»? – не спрашивай напрасно.
Невозможен мягкий переход.
Твой билет меж разных двух отверстий
оплатил учебник и народ.

Так иди ж, посланник геометрий,
в ту страну из той страны, куда
не везут олени и дилеммы,
где Нет-нет такой же, как Дада.

Не ругайся, не шуми, не требуй,
не качайся, не вставай, не пей, —
все равно надел на шею провод
и висит разбойник-Соловей.

Он висит, и все ему неймется —
дым над планетарием стоит.
В том дыму с магнитом растается
парный, ему свойственный, магнит.

2017

* * *

Национальные проблемы кошек
и расовые требы муравьев
меня волнуют.
Как там с государством
у бурых тараканов дело обстоит?
Где Макбет псов?
На что решился суслик-Гамлет?

– Молчат газеты птиц
на средиземноморьи
об этом.
И кошки ведут себя не по-граждански.

2014

Отсутствие блодинок (не
распространяется на кошек).
Петух кричит не в качестве метафоры
– бесплатно.
Садится солнце. Фонари
– гостями ранними —
окраинами зала голубого поджидают ночь.
Единство черных кошек
у мусорного бака.
Беспартийно.
Преддверье Пасхи. Африка.
Прохладно.

2014

На берег, обжимая волосы, выходит
та, что с закатом медленным купальник
сравнить решила
в синем море.
Чем ближе, тем определенной, старше возраст.
Вытряхивает воду из ушей,
подпрыгивая на одной ноге,
в песок впечатывая капли и ступню.
Трепещет бражник на веранде.
Бредет старик Приходит Вечер. За столом
басок мальчишеский, фальцет девчоночий.
Смех детский колоколит. Полнолуние.
Подать ребенку руку – проще.

2014

Восход

Растерянность овладевает Питером Тарсом, финансовым директором International Ridicule Inc, оглядывающим Манхэттен со своего 42-го этажа невядалеке от Таймс Сквер. Рак. Ему сказали, что у него рак.

Не приговор. Здесь это не приговор. Дева. Весы. Скорпион. Стрелец. Козерог. Ноусмокинг. Фамилия. Вечные его идиотские шуточки. Цепкие крючья безразличного врага. Конец. Кладбища вокруг, все – кладбища. Царствие его не от мира сего. Мир сей – кладбища. Тараканы. Немой вопль. Какая разница. Глухота – отсутствие времени. Пространств преизбыток. Память – слух. Зрение – кладбище. Все это – мир сей. Сострадание клопа к таракану. Бензиновый развод в грязной луже. На фоне кладбища бензиновый развод. Успехи медицины. Канцер. Концентрация. Воля. Спасенье. На миг единый. Дленье, пребывание. Торг продавца в отсутствии клиента. Маркетинг в пустыне. Протест Иова о потерянной семье. О стадах и собственности. Всеу виной – глаголы. Операционная деятельность нашего предприятия.

Скорость протекания транзакций в сознании Питера Тарса.

Существительность. Перечислимость. Тварность.

Птица Рух, уносящая трех слонов, при получении Питером известия о скорой смерти.

Иосиф Бродский, пишуший «Осенний крик ястреба».

Кинематографическая иллюзия высоты, с которой есть последний смысл обозреть общую картину.

Аллегорический обман третьего измерения.

Бессмысленная наглость Ахматовой: «Смерти нет – это всем известно».

Питер Тарс нажимает кнопку звонка и вызывает секретаршу, ему нужен кофе. Он постепенно овладевает собой. Так называется этот процесс.

Социализация сознания собственной смертности.

*

Когда? – сиротствующая физия в шапочке цвета осени вопрошает, – когда? Едет Наденька с институтских пар, выбором студента-наперсника озабоченная и избытком веснушек. «Пусти! Пусти меня!» – репетирует триумф душа ее, надежды душа звериная, пушком обманым, нежным шитая.

Кислю и прелью веет от листьев на газонах, шорохом и шелестом шепчет в октябре. Двери трамвая баяном дергаются туда и обратно, потряхивает и позванивает. Не ведая страха, едет в трамвае неизвестно кто с меткой вместо имени. Выпевает в груди принцессой цирка: да, я шут, я циркач, и что же?

Дадим ему имя, пусть будет Иваном, Иваном Андреичем Пустовойтом пусть будет. Камо грядеши, Иван Андреич, куда погромыхиваешь, безбилетник, почто мысленно разрываешь вселенную паспортов и прейскурантов, приложений и оглавлений? Что гнетет, что радует тебя, тезка Бунина, отчего сбрендил ты посреди трамвайных разъездов под искрами перемен, за что ответственность несешь и перед кем? Всматриваешься куда, от каких мух чубом омахиваешься, Орест Агамемнович? Таких людей нет уж вовсе, сняты они с производства. Куда же Вы, маэстро?

Смеется Иван Андреич, тонет в себе и смеется, а во взгляде его – искры перемен и шандарохот трамвая.

Опасен Иван Андреич, опасен, но не для – ага, вот он! – Михаила Иваныча, не для Михаила Иваныча Блюмкина, умеющего в рожу дать, если что. Если что, если что, если что! Не пропустит он и не упустит, если надо, он с лестницы спустит под трамвай, под колеса, под нож, он такой, вот такой, да, похож. А в ухо?! Нет у Михал-Иваныча вопросов, зато

ответы – есть, и будущее выворачивает челюстями-крылами площадей из-за поворота, камнями и фундаментами выворачивает, а не эфемерностью искр! Потряхивает Михал-Иваныча радостно на остановках, да и сам он помогает себе, подпрыгивая, не ведает безделья тело его.

Работник культуры, хранитель и имитатор, причастный служенья, чему – неведомо, Андрей Михалыч Иевлев! Куда ж и тебя несет в трамвае октябрьским днем в гоп-кампании с незнакомцами под шум или музыку времени? Гражданин своего «я», кто ты? и что шевелится в груди, на что обопрешься при случае? Почему злостью живешь только, когда жив вообще, зато чистой? За что не любишь всех, кто говорит «в наше время» или «на дворе XXI век»? Где найдешь источник для метафизической своей ярости и к чему применишь ее? Зачем в доме повешенного – любитель о веревке поговорить? Кому шепчешь невзначай «вперед, вперед! дальше, дальше!», и куда уж дальше?

Посверкивает и поблескивает дамская сумочка, придерживает себя рукою с кольцом обручальным на пальце безымянном, нащупывает в своем желудке кошелек с деньгами невротически. «Ах-ха-ха-ха-ха!» – рассыпается детским смехом мобильный в сумочке, щелкает рука с кольцом и пальчиками наманикюренными, щелкает на застежке, раскрываются тайны анатомические и в кокошнике розовом извлекается источник звука серебристый.

Фейерверками выводов сыплет телефон, ни мига без пушечной пальбы медицинских рекомендаций, как будто вечный полдень стоит над Петропавловской. На неплохом английском языке рекомендации.

Бьется резинка на дверях-баяне, подрагивает, недооторванная, недоотставшая, ночным мотыльком вьется, оторвись же уже, пади в грязь промышленную и успокойся.

*

Отставляет ножку, крутится на сиденьи автомобиля выжига – сереброшерстая кошка. Треплет кошку по пузу пассажирка автомобиля, номерной знак «Лёля 666». Кошка – Мадонна. За рулем – муж. Слева – трамвай. Перед лобовым стеклом – перекресток, светофор, красный.

Здорово живешь, Петруха, семь целей перед собой имея – не хухры-мухры. Знаешь, куда напор свой сбрасывать, откуда деньги на следующий вираж брать, а ведь деньги – деньги! Вираж!

Ты ли единственный, Петенька?

Ни к чему не стремится четырехстопный ямб, ничем не рискуют ведомости фондовые, никакие тенденции формальных сущностей не отвечают ничему, что происходит с Петром Павловичем Пунцевым, а происходит с ним кризис.

Позабыл он прилагательные и причастия, приказы подчиненным глаголами отдавая, изредка упором ногу ставя на крепкое существительное, как на педаль сцепления. Но не в этом кризис его, не в частоте использования грамматических форм, а лишь проявляется в грамматике происходящее с ним; проявляется, как пятна под мутным красным светом на фотобумаге.

Все, что дается Петруше, волей дается, и лишь сопротивление встречает его на любом крыльце. Да и не рассчитывает он ни на что иное. Научил его бизнес ценить сухой остаток слова, рычаг глаголов и ломик императивов. Ничего само собой не делается – истина эта детская обросла крепостными стенами, башнями с бойницами, вон – у леска гарцует кавалерия замыслов, а дисциплинированные резервы легионами перестраиваются в поле по одним Петруше ведомым резонам. Что ему Леля, что ему 666, что Мадонна сереброшерстая, что трамвай слева? – шары бильярдные, бойцы отрядные, солдаты жизни его, убьют одного –

на место следующий встанет, как зубами дракона сеянные. Глубока линия обороны, далеко разведка ходит, вышколены полки фронтовые. А коли не вышколены – сменим!

Не видят незримого фронта бойцы, что с полководцем делается, пустяки какие раздражать его стали. Как нахлынет волна ярости, закипит злобой, и отляжется направленным потоком под холодной ладонью каратистской воли; вновь пеной изойдет, и снова обретет направление целью и способами – кто наблюдал двухтактный механизм судьбы? Вздрыбится и рассредоточится перпендикулярным движением. Однако из всех он – единственный жив. Неужели так выходит, что? Кто ж он – Кулибин? Калашников? Макбет? О. Бендер? Нет – он, Пунцев Петр Павлович, по школьной кличке Хорей, жив он, а не ожидает жизни в трамвае, он один – настоящий, а вокруг него – враги его, и они же – войско его. Орлы или шакалы – это как масть ляжет, это еще как он, Петька Хорей, судьбой своей в очередной раз овладеет, на коня вскочит, не промажет, совпадет с этой жизнью, впишется на вираже, первым с хеком ударит. Тонет, тонет в самом себе Петр Павлович, как Иван Адриич Пустовойт тонет, но без смеха, а с пеной в наглom блеске расчета и воли, со взглядом, шакалов в орлов преображающим, или наоборот – тут уж, как выйдет.

Кризис-то в чем Петрухин выражается? – сам не ведает, но есть что-то, червоточинка в яблоке завелась, герпес на губе выскочил, и так этот герпес, так ..., что нет слов иногда. И накатит, и навалит, и нет хорея, одно сплошное безударное «а». Где хладная ладонь каратиста? – На руле подруги неизменяющей, на руле мытая, белая.

*

Роман Родионович прошмыгивает в подъездную дверь за старушкой, притворившись жильцом. По ошибке направившись в сторону, противоположную лифту, вовремя соображает, вспоминает, шарахается, разворачивается и входит в лифт вслед за своим Хароном. Вам какой? – безразлично спрашивает Харон. «Седьмой», – отвечает Роман Родионович, оцарапав влажнеющий взгляд мнемоникой стертых этажных кнопок.

Ноги слабеют и подкашиваются, память проскальзывает в черепной обертке и растворяется поездным рафинадом в цвета чая воздухе. Коридор – все тот же: бетонный пол, несколько дверей и детский велосипед с никелированной рамой.

Тихо. Подойдя к двери, Роман Родионович сопит, но слышит, как за дверью стукнула посуда в раковине на кухне, метрах в двух-трех от него. Справа за стеной – ванна с эротическими этюдами сознания.

Спустя несколько минут с той стороны двери раздался уверенный звон: посуда устанавливалась в сушилку.

Подумав о соседях, Роман Родионович отволок себя обратно по коридору в сторону лифта. Даже стоя у лестницы, он слышал ее походку: она прошла из кухни в гостиную и обратно.

Осыпается штукатурка воспоминаний, торжествует немой фон, из которого когда-то вытянулась его рука и утопила кнопку дверного звонка. Где вы, девы? Евы вы.

Под ковриком лежит воспоминание о ключе. Голый, глухой фон беспричинности, глупое истребление прошлого, гневное истечение безразличия, чистое отсутствие будущего. И вновь звон мешающих тарелок из-за двери.

Он заставляет себя уйти – это процесс, а не решение, поэтому он для коридора и велосипеда изображает неслучайность своего присутствия, растворяет окно у шахты лифта и выглядывает вниз, на проспект, на трамвайную линию, на машины у перекрестка, и неловко сдвигает огромный горшок с пыльным алоэ.

*

Что ж Иван Адриич, о тридцати годах чубом вскидывающий? Что смотришь в окно трамвая, не видя? Отчего неблагодарен ты к тем, кто внимание на тебя обратил? Жизнь в шуточку обратить пытаешься, и последователен, говоришь? Излишне серьезен ты в после-

довательности своей шуточной, не верится тебе, наоборот ты все делаешь, не как все! Шутишь, когда – по делу, а когда все шутят и празднуют – томишься бездельем и беспросветностью.

Куда? Куда рванулся ты, Иван Андреич, со своим чубом чертовым, не для тебя это, не по тебе шапка, не сдержишь ты чуму своей жизни, не удержишь на поводу повозку Солнечную, не станешь Фебовым возницей, не по силам это не то, что тебе, а и Петру Павловичу Пунцеву. Да ведь и никому не под силу, опомнись! Вон – спроси у Михаила Ивановича Блюмкина, у него все ответы есть. Ах, ты ж высокомерная скотина, Ваня. Что задумал ты, о чем дремлешь, вроде как пьян, чему рад, бестолочь акселератская, переросшая? Как ты силой мысли своей от мира отделаешься или мир воображением пересоздашь? Да и откуда у тебя, оборванца, мысли?

Когда? Когда? – утопают в восторге предвкушаемом Наденькины рефлексy безусловные. – Никогда, вот когда!

Андрей Михайлович Иевлев по-верленовски свернул голову риторике. День был тяжелый. Поль-Мари Верлен, французский поэт, родоначальник символизма, родился 30 марта 1844 года в семье военного инженера. Три лекции, три пары, триста шестьдесят минут позади, день вот-вот вечером назовется. Нет у нас другого народа для нас. И вернулся к риторике. Что у нас было 30 марта? Не помнит. Пробегает жизнь бесприютного хозяина культуры вперед и назад, как бильярдный шар от борта до борта.

Невидимым кием толкается, мимо шаров, по людям бестолково лупит им Михаил Иванович Блюмкин, подпрыгивая на заднице. Овен, одним словом. Здоров, как бык. Шея красная, ноги в полуприсяди, разведены локти для расчистки путей, а чьих путей – неведомо.

*

До чего дошел Петр Павлович! – затмения с ним, живущим подлинно, происходить начали. Так это с ним бывает, когда случается: волна морозная по позвоночнику сверху вниз схлынет; а напротив, от крестца к головному мозгу, горячая волна взвьется; после этих двух волн встречных промыт Петр Павлович, ясна его воля, но пуст разум.

Зачем все это? Зачем? – с сочувствием произносит что-то в его голове. Но загорается уже заря жаркая на востоке головного мозга, и не помогает длань хладная, каратистская, восстает в башке шар красный, синее небо сознания Петрова, очищается оно от облаков завоеваний, гаснут звезды деятельных планов, рассеиваются в туман низменный, приборотный полки и депозиты, и в триумфе своем сияющем восходит воля, самому Петру Павловичу не принадлежащая, и вот уж кто теперь возница Фебов? и проносятся уже невесты в чем, невесты где лучи всеответные, посланцы неведомого всепроникающие, и готово тело Петра Павловича повиноваться, и повинует гибко.

Видит, видит тело Петра Павловича тело Ивана Андреича, прилипшего к окну трамвая. Видит, но не слышит бормотаний Ивана Андреича. А бормочет то тело: тревожною стаей, слепой и шальной, крылатая память шумит надо мной и плещет, и мечется, бредя спасеньем, над желтой листвою, над сердцем осенним.

*

Бруклин, Брайтон-бич, Нью Йорк. Биологическая жизнь, приправленная человеческими шуточками. Развалы телячьей печени, подносы свиных окороков, краска на морщинах, седые волосы под шляпками. Отсутствие гордости на лицах, целлофан на ветру, триумф мнений, запах духов и рыбы. Океанская галька семейных драм, плотный песок привычки, пляжи инфраструктуры. Солнечные очки витрин и ресторанов. Стикеры вместо могил. Чайки воспоминаний. Деньги и домино на деревянных столах.

На деньги играет в домино Янкель Иосифович Блюмкин, пенсионер и обладатель социальной программы №8 США, отец Михаила Ивановича, видевший Михаил Ивановича только при его рождении.

«Рыба!» – произносит Янкель Иосифович и стучает костью по столу, сдвигая вкривь доминошный глист.

*

Вторая жизнь открывается для Ильи, новая и чистая. Новые люди, новая профессия, новая обстановка. Он сам достиг этого и теперь проходит паспортный контроль в аэропорту JFK в Нью-Йорке. За ним большая очередь. Машет рукой полисмен-афроамериканец, приглашая следующего.

Чернокожая гусеница очереди, «уес» и «по» заполняемых анкет. Пластик биографии, дактилоскопия страха, зеленые погоны хиромантов. Круговой транспортер багажных надежд, указатели «EXIT», никелированная направляющая, загробные таблички встречающих. Кафель поисков и ожиданий, громады аэропортовой мяты, кубиклы с немymi девушками в униформах. Хлопнуло включателем в барабанных перепонках. Сглотнул кофе, стоя в дверях, на выходе из старой жизни. Настоящий шум жизни.

Первую, старую и грязную жизнь, так просто не сглотнешь.

Наденька.

*

– Помочь? – переспрашивает рыжая Джудит у тестя. – Если человек нуждается в помощи, я могу подсказать, что я бы делала в его ситуации. Если он принимает мой совет, я могу помочь. Если он продолжает тонуть в соплях, то и некому помогать.

Декларируемое торжество операционизма. Неустранимое расхождение между действием и декларацией. Падающего – подтолкни. Последнее действие автора афоризма перед припадком – заступничество за лошадь, побиваемую извозчиком.

Джудит встает из-за стола мыть посуду и из кухни доносятся резкие и шуточные ее приказы, адресованные младшей дочери. Тесть, покряхтивая, идет проверять домашние задания старшей внучки.

Неизвестно из какой точки, внутренним зрением охватывает Питер мистические каменные плацдармы. Не сверху, не в профиль, не из-под, а безразличной диаграммой даются ему каменные разводы пленки человеческой, разводы бензина в лужах вселенной.

Питер пьет кофе в кабинете на Таймс Сквер и размышляет о том, как правильно сказать о своем диагнозе жене.

Смерть социализирована.

*

Мигает желтый срединный глаз дорожного Будды, трогается трамвай, трепещет резинка на дверях, надывается, исходит в треньканьи телефон в сумочке. Перепутан снимок Питера Тарса из Нью-Йорка, перепутан, исковеркана карточка медицинская диагнозом ложным, драматическим. Ошибка ужасная, ужасная, ужасная, *mistake terrible*.

Глубины даются в расфасованном виде, площади же – периметром.

Стремит к асфальту горшок с аллоэ существование. Столкнувшись со спутниковой тарелкой на пятом этаже, отскакивает по направлению к дороге запоздалый баллистический снаряд любви Романа Родионовича, любви звериной, безосновной и потому крепчайшей, безрезультатной, – и летит дальше, дальше, дальше. Сильна, как смерть, любовь.

Взвизгивает, газует зверь Петра Павловича Пунцева, подруга верная, Лёля-666, и, в испуге от удара горшка по крыше, выворачивает руль единственно живой Петька-Хорей, кризис по ошибке изживая, реакцию свою изумительную в сторону иных царств направляя. В сторону нагоняющего судьбу трамвая выворачивает машину, черный след резины на асфальте оставляя.

Рассыпаются под скрежет металла из рук Наденьки кинематографические клише, вот-ографии, снимки корчащих рожи молодых людей и подруг в бикини.

Просыпается и засыпает от укола стекла в висок Иван Андреевич Пустовойт, вдыхая запах сирени.

Роняет портфель служитель культуры Андрей Михайлович Иевлев и вываливается на потолок трамвайный книга Артура Шопенгауэра, «Мир как воля и представление» на потолок падает, в немыслимом гадании раскрываясь.

Восстает и расплывается на северо-западе лобового стекла Петрухиной машины пятно жаркое, круг неправильный, ярко-красный, бурюющий. Подчиняется тело Петра Павловича красному шару в последний раз, головой раскорезанной, поникшей, благодарность подушке безопасности несработавшей принося.

«Ты?» – спрашивает кто-то в голове Питера Тарса на глухом фоне.

2012—2013

Агитационные песни – 2

* * *

Поздней осенью или зимой по Грибоедова шел я,
комкая в юной руке адресов непевчие птички.
Мне советовали друзья, что уходить в подполье
следует на лимит: в морг санитаром или в психиатричку.
Шансы – так говорили «шансы» – есть получить работу
и вцепиться ею в этот туман и кафельный холод.
Значит, шел по набережной я цвета застывшей рвоты,
и вода никуда не текла, а снег падал за ворот.
В чем одет был, не помню я – давно это было.
Соответствовали каналу небеса незримо-молочно.
А в больнице, шансы наши как пятерню растопырив,
лежали моя жена и новорожденная дочка.
Я рассказываю эту муйню в черно-белом, как график,
исключительно из морщинистого прагматизма.
Потому что читатель падок до судеб и биографий,
и падшесть его – основа для зацепизма.
Лучше всего до сих пор продается легенда,
а не товар и не окружные дороги кольца.
И вряд ли наступит время, когда agenda
полностью вытеснит камень и лоб богомольца.
А пока – ушли слова «комсомол», «правда», «лимитчик»
из бессознательного Ивана, Петра и, вправду сказать, Раи.
Но все так же струит Грибоедов к психиатричкам
свои черно-коричневые, неумолимые чаадаи.
Между тем, как сейчас я, прилично (Наташа!) одетый,
поздней осенью – по всеукраинской дикой махновской свалке,
и тогдашним твоим-моим, горе мне, Грибоедов,
– пролегают меж ними не годы, а Лета. Не парки.
И я рад двум этим фундаментам, невидимой кладке, событиям,
потому что в них следует видеть подарок.
Потому что не мусору же промеж, не траве промеж – служить им
основанием для разнообразных арок.

2015—2016

* * *

Выхожу с колонной на майдан я,
под ботинком хрустнуло пенсне.
Две страны мне машут на прощанье
в старомодном ветхом шушуне.

2013

Агитационная песня перед днем выборов

Как видишь, даже социальность
предполагает, как уступку, нам
день тишины в предвыборном бедламе.
Природе уступая, спит Навальный,

И Порошенко спит, и прикорнул Бандера.
Игрушки спят, усталые детишки
сопят в две дырки, ткнувши носом в книжки,
и спит уставший караул фанерный.

Паллиативом между днем и ночью – насморк
ведет желтеющую, падшую войну
за право представлять морозную страну
на тех полях, которыми не Бисмарк

управляет, не УПА ¹ в окопах, не слеза
заведует хозчастью бранных дней,
не Робин Гуд, не Фродо-Берендей,
а – так, какой-то чех с фамилией Замза.

Все потому, что мы неправильно молились:
предполагали качественно, быстро лечь в затон.
А глядь – как раз-таки не умерли, живем.
И на бигборды нашей жизни вылез

какой-то клоун запредельный, черт.
И вместо жизни – тянется бигборд.
Неиссякаемая театральность морока
влечет занять места подальше, на галерке.

Но в этом тоже – поза и картина,
разрушенные, как Пантикапей.

Я здесь, я здесь под дыркой у дверей,
что нос пробил твой, деревянный, Буратино!

2014

* * *

Я вышел в степь назло врагу
и съел я творога.
Я никогда и ни гу-гу
про то, что бу-га-га.
И гы-гы-гы и охо-хо
и аха-ха и ах,

¹ Запрещенная в РФ организация

про то, что в «а», и то, что в «о»
вдруг поселился страх.

2014

* * *

Сибирский полк на дембель нас менял.
За пивом вспоминают об армейском
в тельняшках четверо амбалов.
Жара.
Рефрижератор, проплывая мимо,
дверями помахал раскрытыми
– пустой.
Сибирский полк, я говорю, менял нас...
Когда встречал я Тэтчер в карауле...
Не до конца прикрученный,
чтоб он звенел...
В футболках девушки проходят мимо.
и в шортах промелькнул
на стрекозином ходе
велосипедист.
Война.

2014

В алом венчике из роз. Очерк революции в г. Сумы

Трудно сказать, чем поэзия отличается от политической агитации: разве что более изысканно и запутанно агитирует за божественную партию.

Сложись, сложись, моя история! Время, дай выбраться из леса начал, сомкни свои уста и я побуду в них, как проглоченный тобой стоматолог. Не сплевывай. Дай неслучайного, время.

Разомкни мои уста. Там тоже не все в порядке с зубами.

Тщетны мольбы. Время, тебя не существует.

Достойнее всего – созерцать. Что же созерцать, если ничего не рассказано?

Такова эта исходная путаница, лес начал. Спутанные начала несостоявшегося шевелятся и выдают себя, время, за тебя.

Невидимый порог, перевалив через который, череда слов приобретает статус персонажа или рассказчика, и этот статус сам по себе начинает диктовать – вот именно.

В этих очерках я пишу «я» просто как знак того, что я лично видел или знаю. Я не штатный «политик», никогда им не был и не буду. На правах тихого городского сумасшедшего я многих знаю, у меня неплохая память и я давно здесь живу с открытыми глазами. Иногда нужно свести последовательность событий, чтобы попытаться их понять.

I

Сумы, [битая ссылка] как уже было когда-то сказано, – очень зеленый город. В 1970-е годы он был славен тысячами роз на своих улицах.

2013 год начинался в Сумах с задержек бюджетных платежей. Задержки были сравнительно большими: до полугода. Страдали поставщики услуг городского бюджета – им не платили за уже выполненные работы и за поставленные товары. Мэр города, [битая ссылка] Минаев Геннадий Михайлович, каждый месяц, как заведенный, писал в фейсбук, что конец всему, наконец, пришел. И несмотря на то, что премьер-министр Азаров уверял всех по телевизору, что с платежами у государства нет никаких проблем, а проблемы только с не справляющимися со своими обязанностями мэрами, – сообщения о неплатежах поступали в СМИ и в социальные сети из разных регионов Украины, от разных мэров и из разных служб местного самоуправления.

Судя по всему, проблема была серьезной: как потом выяснилось, мэр из своих средств даже оплачивал смехотворные суммы за хостинг сайта Сумской мэрии.

Зарплату бюджетникам и пенсии, впрочем, платили вовремя или с небольшими задержками.

Никаких бунтарских настроений в городе заметно не было. Весной 2013 года оппозиционные парламентские партии проводили по городам рейды с названием «Вставай, Украина!». Но никто не вставал, митинги и шествия набирали ровно столько участников, сколько их было у партийных ячеек города. Телевизионщикам приходилось ловить подходящие ракурсы, чтобы дать хоть какую-то картинку на экран.

Что-то проводилось в рамках этой «акции» и в Сумах, но [битая ссылка] число акционеров не превысило [битая ссылка] нескольких десятков. Так было не потому, что жителей все устраивало, а потому, что никто не верил парламентским партиям даже на йоту и не хотел участвовать в устраиваемых ими распродажах. Яценюк, выступая где-то перед СМИ, заявил, что апатия населения приведет Украину к гибели. И что если бы к ним на митинг вышли не 100 человек, а тысяч 50, то они бы показали Януковичу, что значит настоящий протест. Так говорили и думали многие политики.

Не пройдет и полугода, и на улицы Киева выйдет миллион – не считая местечковых и провинциальных митингов и майданов. Украина восстанет не по партийному графику проведения мероприятий, и выяснится, что никто из штатных политиков не имеет ни малейшего представления о том, что должно происходить в таких случаях и кто несет ответственность за происходящее. Это будет всего через полгода после бесславного конца акции «Вставай, Украина!».

В Сумах к 2013 году старые друзья – владелец и по совместительству журналист местной газеты «Панорама» [битая ссылка] Евгений Викторович Положий и мэр города Минаев – рассорились вдрызг. По электоральным срокам это была где-то середина второго срока Минаева на посту городского председателя.

Ссора для нищего городка с покосившимися заборами, бетонными уродами и остатками зданий, построенных славными предками с 1890 по 1913 гг., была вроде синематографа в деревне. Люди, в городе видные, оба публично поливали друг друга грязью, развлекая недоумевающую публику и не считаясь с тем, что на фоне их предыдущей долгой дружбы и сотрудничества внезапные, ничем не объяснимые яростные филиппики и плевки внушали подозрения к обоим.

Положий, местный политический «технолог», семь лет до 2012 года считал мэра Минаева своим «проектом» и «нашим мальчиком». Но в 2013 году он уже со страниц газеты, с экранов телевизора, а затем и с площади называл городского председателя вором, предателем, соглашателем (с Януковичем и [битая ссылка] Партией регионов), публиковал в газете фотографии коррупционеров с нарисованными в фотошопе между ними стрелочками – такие картинки называлось журналистскими расследованиями.

Минаев в ответ называл старого друга мерзавцем, специально и низко искривлял его фамилию в своих статусах в фейсбуке и говорил, что он, Минаев, прекратил платить деньги Положию и его газете за «лояльную редакционную политику» (и, следовательно, признавал, что платил Положию предыдущие семь лет). И якобы Положий ему ответил: «Ничего личного, Гена. Только бизнес».

Следует знать, что к 2013 году решающей электоральной силой в городе Сумы являются пенсионеры и люди предпенсионного возраста (их около 1/3 от 280 000 населения). С поправкой на явку на выборы надо думать, что их много более половины.

Бумажных газет в городе всего две. Кроме «Панорамы» Положия есть газета «Ваш шанс», но она, в основном, известна городскими объявлениями и иногда неплохими краеведческими материалами. (Газета «Данкор» ушла в интернет, а бумажный «ДС-экспресс» я действительно не читаю. Эта вставка сделана в знак уважения к «Данкору».)

Основная масса пенсионеров с интернетом и социальными сетями, конечно, не знакома. И хоть объявленные тиражи сумских газет не миллионные, можно думать, что две тысячи пенсионеров, читающих ту или иную газету, легко донесут справедливую газетную точку зрения остальным 40 000 пенсионерам. Так что история про то, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, в Сумах является не милой насмешкой над экзистенциальными проблемами добрых обывателей, а подлинной политической драмой с сотнями тысяч участников и пострадавших.

У меня нет статистических данных о влиянии газеты «Панорама» на политические симпатии электората. Но так совпало, что за последние 17 лет в городе Сумы мэрами становились только те кандидаты, которых так или иначе, откровенно или ненавязчиво, поддерживали газета «Панорама» и ее владелец. Я вижу только одно рациональное объяснение этому: у газеты есть или был определяющий судьбу городских выборов читатель.

И произнес, врываясь в залу круглого стола, аббревиатуру алфавита опоздавший Ланселот. И взмахнул Эскалибуром по телевизору Мерлин, а жизнерадостный мужик Андрей Желябов постановил киданье бомбы. И сухощавый Кибальчич соорудил на дубовом столе ракету из оппозиционной прессы. И символическим террором на террор фактический ответил Степану Халтуруину Софья Перовская. За счастье гусского нагода сделал не первый шаг к Шлиссельбургской крепости Ицхок-Айзик Берович Арончик. Разочаровался в революционном движении тут Зубатов Сергей Васильевич и готовил немедленно материалы в царское СБУ. И видели все торжество оправданной судом Веры Засулич. И верой в Веру Засулич отвечала Вера Фигнер. И были Надежды, даже две: Константиновна Сигида и Александровна Головина. Но Любви не было промеж них, и сокрушался весьма сему, стоя у форточки и роняя пепел сигарет мимо подсвечника, король Артур.

Выступил тут несравненный комсомолец Гарри Поттер и предложил по камешку – по камешку и перенести Межигорье, освободив ее место под английский парк. І похмуро зирнувши, кинув в прокурене повітря схованки Степан Андрійович Бандера: «З жидами ніць нічого аглицьково не збудуєш». І отримав дружнього стусана Степан Андрійович від теле-

рантного Фродо Бэггинза. І почалася велика боротьба ОУН² у союзі із Саруманом проти Саурона. Ліве око короля Артура збільшилося до розмірів Мордору, почалися часи пекельної загрози над братерством народів. Винахідливий письменник Заперечуй дипломатично почав генерувати паліндроми, які б з української однаково б переверталися на іврит. І запропонував Андрій Мельник розвішати на стовпах купу антисмітєвих флаєрів. І спитав жорстко Степан Бандера: «Та де ж ми стільки семітських фраєрів візьмемо, друже?». І втрутився в сварку Гендальф-сірій, і отримав свого. І втрутився в сварку король Теоден, і отримав свого. І втрутилася у сварку красуня-ельфійка Галадриєль, і отримала свого

И вдруг из маминой из спальни, кривоногий и хромой, выбегает умывальник и качает головой. И губернатор города Санкт-Петербург, в прошлом – секретарь какого-то шобла, прекратила эту истерику. И канонический президент Российской Федерации, улыбаясь ленинградской подруге, мочил в сортире своего праотца – террориста Александра Ульянова. И орки приняли себя за последователей кантианства, и отрицали причинность. И хоругви бастардов с иллюстрациями из учебников по гинекологии развевались над площадью, и красной была площадь эта. И бастардский нечленораздельный стон стоял над великой землей Рохана, и истлевали, дымясь, бывшие луга Ши́ра. Печальный демон, Дэвид Копперфилд, носился в воздухе с горьковским «Буревестником» на устах и комсомольцем Гарри Поттером подмышкой. И Никита Михалков снимал объективное кино, одевая крестьян в кожаные скафандры тел физкультурников. И вставал над горизонтом дирижабль с неправильным портретом Шварценеггера-Шеварднадзе. И отчаялся Ланселот сражаться с мусорами. И получил по морде Саня Соколов. И в 50 лет приступил к чтению Чаадаева сантехник Василидзе. И мело, мело по всей земле, во все пределы.

² Запрещенная в РФ организация

II

Сумы – русскоязычный город. Чистую украинскую речь на улице редко услышишь и сейчас, а в 2013-м и подавно. Широко распространен так называемый суржик, литературно не канонизированный, но полноценный язык.

Есть в городе отделение [битая ссылка] всеукраинской «Просвіти». Ее лидеры и члены обеспечили организацию и тематику первых митингов 2013 года – тогда еще даже не на сумской площади Независимости, а возле памятника Шевченко. Для Сум пара сотен человек уже считается признаком серьезной напряженности.

Если в 2004 на митингах люди «Просвіти» говорили о жидокоммунистической банде, приведшей Украину к ее страданиям, то на первых митингах ноября 2013 года речь шла о Российской империи. Это был ответ на неявный вопрос: каким образом несостоявшаяся евроинтеграция Украины касалась горожан? Ответ: «Либо туда, либо в тайгу» – в сущности, верный, но это был ответ о направлении побега, а не о ценностях.

На митингах бывали, конечно, многие – и совсем не-националисты, и выступали не только националисты.

Помимо «Просвіти» в Сумах существуют и другие украинские националистические организации. Я плохо владею этим материалом. Есть [битая ссылка] «Молодежный национальный конгресс» (МНК), его [битая ссылка] Сумское отделение. Эта организация на протяжении двух десятков лет независимости Украины дала городу (и не только) нескольких неординарных личностей. Не думаю, что в таких организациях много людей. Однако не все измеряется количеством. МНК много лет подряд организует летние детские лагеря отдыха, какие-то тренинги, собрания и, главное, – готовит к чему-то своих членов.

Возможно, любой национализм по происхождению религиозен. Есть люди, которые верят, что эта земля дана украинцам Богом. Этническим украинцам. Богом. Националист выполняет Божественную задачу, у него миссия. Он не произносит проповедей и не склонен к мистическим экстазам, он может «просто жить», работая на семью и детей, но он слышит призыв, и он готовится. Тем более, он знает, что московская агрессия состоится. Таких людей не нужно много: на всю страну достаточно пары сотен (и это уже Орден), на город Сумы достаточно нескольких.

Их религиозность не может не вызывать симпатию, как бы я ни относился к ее истокам и к идее о новом «избранном народе».

[битая ссылка] Олег Вячеславович Медунца, народный депутат Верховной Рады Украины текущего и прошлого созывов, соавтор двух из трех законопроектов 2017 года об украинском языке, ущемляющих права русскоязычных на свободные собрания, небогатый и – внешне – простой человек.

Летом 2004 года он опекал разнорациональных сумских студентов в их движении против объединения сумских вузов (водил их по полям, был комендантом их лагеря), был участником Майдана—2004, поддерживал русскоязычного Минаева на местных выборах 2006 года, поддерживал его как мэра, уже будучи заместителем губернатора – в ющенковском 2008 году – и, во всяком случае, никак не препятствовал избранию Минаева мэром на второй срок в 2010 году.

Не один Положий и не только его газета выдвигали Минаеву обвинения в соглашательстве с Партией регионов и в воровстве осенью 2013 года. Медунца тоже уже был противником мэра Минаева.

Всего за месяц до начала всеукраинских роковых событий, кажется, в октябре 2013 года по инициативе Медуницы (так говорил Минаев) состоялись теледебаты между Минаевым и Медуницей по бюджетному вопросу.

Ответьте, если я не прав, – но наперед все лживо! Итак, оружие ваше, граф?! За вами выбор – живо! Вы не получите инфаркт, Вам не попасть в больницу!.. А в это время Бонапарт переходил границу.

Переругивания на камеру двух бывших товарищей и соратников были посвящены выяснению того, кто из них более виновен в бюджетной политике Януковича.

В политической биографии Минаева 2011—2013 годы знаменовали перелом. Но перелом не был резким: уже в 2010 году сам Минаев шел на выборы другим человеком – освобожденным от иллюзий относительно принципов государственного и местного управления, да и от иллюзий относительно собственных сил. Это был уже другой человек, не тот, который присоединился в первые же дни к студенческому сопротивлению 2004 года, рискуя не только бизнесом, но и свободой. Он уже знал, что без черного нала управлять городом и страной невозможно.

Я вполне допускаю, что к его рукам «прилипало» и прилипало многое. Но я знаю, что каждый день, садясь в маршрутное такси, каждый житель Украины и по сей день сам, добровольно, несет свой взнос в чей-то криминальный общак. Разница – в хлипких границах компромисса с совестью, соседями, коллегами и партиями. И кроме того, я не знаю конкретных случаев, когда к рукам Минаева «прилипло». Но о хождении черного нала в мэрии – знаю. Он ходит и сейчас.

На выборах 2010 года с Минаевым прошла команда, мало напоминавшая романтическую команду 2006 года. Некоторые депутаты из первого созыва ушли еще посреди избирательного срока, достигнув личного предела компромиссов с совестью или убедившись в бессмысленности попыток для беспартийных профессионалов менять что-либо в партийной, советской системе местного самоуправления.

Во фракции Минаева появился человек, Анатолий Жук, которого называли бандитом и вором. Жук имеет в юности судимость, родился он по соседству с признанным в Сумах вором в законе (это рождение, соседство и дружба вменялись ему в вину), занимается единоборствами и ходит на охоту. Спору нет – плохой для депутата бэкграунд. Однако мне неизвестны такие поступки Жука, которые бы подтвердили его статус бандита, вора и подлеца. Может быть, я плохо осведомлен. Речь этого человека ясна и логична. Он не трус, разумен, последователен, настойчив, прям, откровенен и «своих не сдает» – возможно, в Сумах именно эти качества ассоциируются с бандитизмом.

Кампания «Вали Минаева!», которая не прекращалась с 2006 года, но ранее исходила из чрева «демократических» партий [битая ссылка] НСНУ и [битая ссылка] БЮТ (Блок Юлии Тимошенко, в настоящее время – партия [битая ссылка] «Батьківщина»; в дальнейшем оба названия используются синонимично), приобрела совершенно иной характер, когда к ней присоединились Положий и Медуница в 2012—2013 годах. Они очень сильные, медийно значимые, как говорится, фигуры в городе. Скорее всего, у них были разные мотивы, но действия их были согласованы.

Если Минаев говорит правду и Положий семь лет брал с него деньги за «лояльность редакционной политики», и если Минаев в какой-то момент действительно решил освобо-

диться из-под гнета местного публициста, то мотивы внезапно прозревшего Положия в его нападках на Минаева ясны. Сам Минаев в этой ситуации мог искать союза с кем угодно для того, чтобы не сесть в тюрьму. Против него открывали одно уголовное дело за другим как раз те самые регионалы, в соглашательстве и сотрудничестве с которыми его обвиняли бывшие соратники. В отличие от Медуницы Минаев – не герой и не верующий националист.

В 2013 году никто в Сумах из людей, способных организовать гражданское сопротивление, не встал бы на защиту Минаева, посади его прокуратура. Даже бывшие студенты 2004 года.

Трудно сказать, какие были мотивы публично осуждать Минаева у Медуницы, но можно предположить, что с его точки зрения Минаев превзошел предел допустимых компромиссов с Партией регионов.

Минаев с трудом говорит по-украински. Ему принадлежит мем – знаменитый «Підписець». На сессии городского совета он демонстрирует депутатам две противоречащие друг другу бумажки и произносит: «В мене колізія! Підпис здесь и підпис здесь». Затем несколько раз повторяет эту фразу, не осознавая, как она звучит. Ролик собрал более миллиона просмотров в ютубе.

Сегодня на стенах домов города, в историческом центре, нередко надписи, сделанные через трафарет: «Є мова – є держава!».

Мне известны люди (семьи), которые после российской агрессии и оккупации Крыма переходили между собой (в быту, на кухне) на украинский язык. Мне представляется это чудовищной, но объяснимой реакцией на события и переживанием личного бессилия. Однако это не было повальным явлением, и многие вернулись к русскому.

Гораздо больше людей, чем раньше, используют украинский язык в ситуациях публичности, но и среди них большая часть продолжает оставаться русскоязычными в быту.

Если вы придете в магазин или на прием к стоматологу, то, скорее всего, с вами будут говорить по-русски, не задумываясь о предательском значении этого языка.

Как-то в нервные дни марта 2014 года замечание о том, что плакат на мне написан не по-украински, мне делали на русском, – таков наш бытовой национализм.

В Украине невозможно районировать жителей по образу жизни – нет никаких пищевых, сексуальных или языковых табу, которые помогли бы делу естественного разграничения. Далекие села в Карпатах, конечно, есть. И образ жизни там вполне подпадает под понятие «национального». Но есть Полтава, Сумы, Днепропетровск, Одесса, Харьков. Произошла не национальная революция или – за символический статус «национальной» кому-то необходимо еще побороться с теми, кто придерживается совершенно иных взглядов на произошедшее. И кто совсем недавно стоял рядом на баррикадах в Киеве.

III

Если на площадях не начали читать стихи – никакой революции не будет. Так говорил Заратустра.

На майдане в Сумах читать стихи начали ближе к Новому 2014 году.

Что такое «майдан» в Сумах?

Все виды города на рекламных открытках – все то, что называют «старыми Сумами», было построено с 1890 по 1913 годы буквально несколькими людьми. Не нужна трипольская культура, а нужны 25 лет и десяток человек.

До 1970-х на месте нынешней площади Независимости («Майдана» в Сумах) была площадь Петровского, переименованная в честь коммуниста Петровского. А до 1917 года она носила название Петровской в честь Петра I. Тут был сквер, прекрасные особняки бывших буржуев, была раньше и церковь. Сейчас огромный участок неправильной формы, метров 200 на 300, выстлан бетонными плитами, между которыми летом пробивается трава.

Площадь обрамлена с двух сторон чудовищной конструкцией (ее называют «Кривая хата»), фасад конструкции составлен из огромных бетонных крестов. Возможно, из космоса Кривая хата должна представлять формой серп. В Кривой хате заседают городской и областной советы, местные службы и администрации.

В другом «углу» площади воткнута 17-этажная (не считал) бетонная свеча бывшей гостиницы «Сумы» – приблизительно где-то на месте старой Николаевской церкви. Сейчас в гигантском здании гостиницы эксплуатируются только первые два этажа, лифт не ходит уже с десятилетие.

Эти здания возведены в результате «реконструкции площади» в середине 1970-х—начале 1980-х годов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.